

Но что такая картина лишь условно соотносится с диалектологической картой. Дистрибуция сюжетов позволяет увидеть две границы, одна из которых отделяет Русский Север от южных регионов, а другая проходит между северо-западными и северо-восточными регионами. Первая граница соотносится с членением русских диалектов на северные и южные, вторая также известна диалектологам⁴. Однако это условное соответствие. Например, псковские говоры входят в северо-западную группу, между тем по сюжетной карте этот регион не примыкает к Олонецкой губернии.

Такое неполное соответствие диалектологической карте лишь на первый взгляд удивительно. Распространение сюжетов сказок не обязательно должно полностью соответствовать картине, отражающей распространение различных языковых явлений. Хорошо известно, например, что разные изоглоссы и фонологические явления имеют различную пространственную дистрибуцию и что цельная диалектологическая картина получается путем наложения разных распределений друг на друга. При этом подобные распределения не полностью согласованы между собой. Такая же ситуация с этнографическими явлениями.

С этой точки зрения, пространственная дистрибуция сюжетов сказки — лишь один из элементов сложной картины распространения фольклорных явлений. Исследование других фольклорных жанров, скорее всего, даст схожее, но не идентичное пространственное членение. Полную картину может дать лишь наложение полученных таким образом карт друг на друга.

Что стоит за такими распределениями? Вероятно, наиболее общий ответ таков: это отражает существование больших «коммуникативных сетей», каналов, по которым происходит передача фольклорных текстов.

Примечания

¹ Выражаю благодарность Е.Е. Левкиевской, А.В. Дыбо и А.И. Давлетшину за обсуждение этой работы.

² *Sheppard W. Population movements, interaction and legendary geography // Arctic Anthropology. Vol. 35. № 2. 1998. P. 147—165.*

³ Подробнее см.: *Кричевец А.Н., Шикин Е.В., Дьячков А.Г. Математика для психологов. М., 2003.*

⁴ Как любезно сообщила Е.Е. Левкиевская, эта граница выявляется и при анализе названий демонологических персонажей.

А.А. ИВАНОВА, В.Н. КАЛУЦКОВ

«КУЧКАС НЕ ДЕРЕВНЯ, КУЧКАСЯНЕ НЕ НАРОД»

В последние десятилетия феномен «границы» активно исследуется специалистами по традиционным культурам. Причина такого пристального интереса состоит в том, что на стыке культурных диалектов усиливается их противостояние по принципу *свой—чужой* (соответственно процесс межкультурной коммуникации протекает весьма своеобразно). Если к тому же принять во внимание тот факт, что граница культурного диалекта, относясь к периферийной (окраинной) зоне этнической картины мира, актуализирует негативную семантику¹, то станет понятным, почему этнокультурное районирование, проводимое одновременно с позиций соседствующих этносообществ (т.е. *извне и изнутри*), в пространственном отношении дает разные результаты. Подтверждением сказанному могут служить фольклорные тексты, ориентированные на локальную историю и географию, — коллективные прозвища, присловья, предания, частушки, «географические» песни². Ниже приводятся материалы, собранные комплексной экспедицией, работавшей летом 2004 г. в верховьях Пинеги (Пинежский р-н Архангельской обл.) в д. Сульца, Шиднема, Нюхча, Кучкас и пос. Сосновка.

Пинежье представляет собой границу севернорусской культурной традиции, точнее — ее северо-восточный форпост (см. карту). На Русском Севере пинежан именуют *икотниками, колдунами, еретниками*, что неудивительно, поскольку в рамках Архангельского региона Пинежский край, расположенный на пересечении русской, коми и ненецкой культур, считается не вполне русским. В границах Пинежского р-на селения верховьев реки непосредственно граничат с Республикой Коми. По преданиям здесь укрывались от преследования новгородцев чудские племена (часть из них добровольно погребла себя в земле, а часть ассимилировалась русскими). Таким образом, Верхнее Пинежье, взятое одновременно в нескольких

этнокультурных масштабах, предстает как «тройная граница». Этот факт, а также территориальная, хозяйственная, социальная удаленность и обособленность от управленческого и культурного центра с. Карпогоры, расположенного в Среднем Пинежье, снискали ему среди пинежан дурную славу чужого и «чуждого» места, ср. прозвища: *Верхота — сирота, Верховцы — опалены овцы* и высказывания типа: «Вверху-то там все люди колдуны: портят и мужиков отлучают. Здесь ничего не знают» (ДАК); «Верховские — колдуны. Это у нас здесь светлый край, а там-то, в верховье, знают много приговоров» (ТАР); «Немнугу, Кевролу затопит весной: амбары, бани несет. Мы: "Сверху каждое говно несет"» (ДАК); «Да всё еще скажут: "Верховцы рыбу ловят, мух едят"» (ТММ).

Негативное отношение низовцев к верховцам «поддерживается» и социокультурной оппозицией *низ—верх*, унаследованной от мифологического мышления, для которого «в целом характерна общая негативная оценка Верха Низом и взаимное противопоставление на культурно-бытовом и нравственно-поведенческом уровнях»³. По этой причине, проводя обследование Пинежья от устья впадения Пинеги в Северную Двину в направлении ее истоков, мы столкнулись с феноменом «подвижной» этнокультурной границы: во избежание получения обидных прозвищ и характеристик жители каждого селения упорно отказывались от статуса «верховцев» и именовали себя «низовцами».

Сказанное объясняет, почему однозначно негативное восприятие Верхнего Пинежья, сформировавшееся у этнических соседей, сменяется амбивалентным, как только исследователь переходит с *внешней* позиции на *внутреннюю*, т.е. с *идентификационных* оценок на *самоидентификационные*. И тогда оказывается, что на территории верховий, с точки зрения местных жителей, есть свой центр (=хорошее, безопасное место) и своя периферия и граница. В качестве последней верховцы обыкновенно называют д. Кучкас. Эта деревня находится на границе двух районов — Пинежского и Верхнетоемского — и одновременно воспринимается

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ИВАНОВА, канд. филол. наук; МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ КАЛУЦКОВ, канд. географ. наук; МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Картограмма района исследований

как самая «крайняя» деревня не только верховий, но и всего Пинежского края, т.е. как граница границ: «Тут дальше Нюхчи ничего нет, токо Кучкас один. Наша-то Нюхча — край, а уж Кучкас-то вообще! И говорить нечего! Глухомань, как говорится. Там раньше Карпогорский район заканчивался. От того Кучкаса дальше только лес и болота. До Тоймы-то, говорят, туды семьдесят пять километров будет. Там и никто не хаживал. А в сторону там зыряне живут <...> Дак Кучкас почему такой самый дальний? А вот там чудь был. Его туда загнали. Так? Он там кучей собрался и ушел. Говорят, в землю ушел» (КВС).

Иронично-насмешливое отношение к самой крайней деревне края и ее жителям многократно фиксировалось участниками экспедиции на всем протяжении Пинежского р-на; ср. присловья: *Кучкас — не деревня, кучкасяне — не народ; Кучкас — нора, в небо дыра; В Кучкасе бывал, дак и умирать можно.* В наиболее явном виде оно проявилось у жителей ближайшей к Кучкасу д. Нюхча (расположена в 12 км ниже по Пинеге).

Современные судьбы этих селений сильно разнятся. Нюхча представляет собой довольно крепкую деревню, в то время как Кучкас — заброшенное селение, оживающее только в летний

период за счет дачников. Кучкасяне, живущие в других местах, помнят свою малую родину; приезжают сюда в престольные праздники, посещают кладбище и обетный крест. Деревня живописно раскинулась на двух уровнях рельефа — в пойме Пинеги и на высоком холме (по-местному, *халья*) — и выглядит как типичная северная деревня с ее домами-кораблями. Чувством любви к родному месту проникнуты многие частушки, упоминающие здешние природные и культурные объекты:

Кучкас-ручей⁴, Кучкас-ручей,
Кучкас-ручейнушка,
Через этот Кучкас-ручей
Бегал ягодиночка (МЕА).

Кучкас-то деревенька
Стоит в болоте.
Ребята маленькие, удаленьки
А все в почёте (МЕА).

Позитивный образ деревни, создаваемый в частушках, записанных от кучкасян (сами они называют свою деревню *второй Украиной*, намекая на плодородие здешних полей), в текстах соседней-нюхчан сменяется резко негативным:

Кучкас, Кучкас — не деревня,
Сульца — тоже не село,
Нюхча — маленька деревня —
Гуляет весело (Хор д. Нюхча).

Еще более обидной эта характеристика предстает в частушке, записанной в мужском исполнении:

Кучкас, Кучкас — не деревня,
Кучкасяне — не народ.
Все окошечка завешаны:
Зае...ся у ворот (КСС).

Окраинное (=пограничное) положение Кучкаса в глазах нюхчан сделало эту деревню «непрестижной» во всех отношениях — дороги, ведущие к ней, неудобны, жители глупы, не умеют хозяйствовать и оттого живут бедно и впроголодь:

В Кучкас-то идти,
Всё угоры да пески,
Никакого нет веселья,
Кроме горя и тоски (Хор д. Нюхча).

Не пойду я в Кучкас замуж:
Там лапушники⁵ едят,
За последнего за Заручей⁶:
Там чаем напоят (КСС).

В Кучкас-то иди —
 На углах подойники⁷.
 От кучкасски ребята —
 Наголо разбойники (Хор д. Нюхча).

Кучкасяна-мужики —
 Наголо большевики⁸
 (вар.: — настоящи дураки):
 Сена ставят в совиках⁹,
 Ничто не родится в руках (КСС).

Кучкасяна рано встали,
 Е...т мать, до солнышка.
 На п...е овёс молотят,
 Не уронят зёрнышка (КСС).

Многие исполнители, пропев подобные частушки, тут же отмечали реальное несоответствие между фольклорным образом и истинным характером жителей Кучкаса: ср.: «Они вообще гостеприимный народ, народ хороший...» Обычно такие частушки звучали во время праздника, свадебного действия или игрища. В условиях массового скопления людей, проживающих в соседних деревнях, словесные поединки между ними (в том числе в песенной форме) были весьма обычным делом и нередко заканчивались потасовками¹⁰. Кучкасяне «отбивались» от задиристых нюхчан не менее обидными частушками, создаваемыми на основе семантической инверсии адресованных им текстов. Таким образом рождались своеобразные частушечные текстовые пары по принципу «текст—антитекст» (ср. приводимые ниже частушки с ранее процитированными):

Кучкас, Кучкас — не деревня,
 Нюхча — тоже не село.
 Кучкас — маленька деревенька,
 Гуляет весело (РТС).

Расскажите, ради Бога,
 Где на Кучкас тут дорога?
 Указали колышком —
 Всё иди угорышком (МЕА).

Не ходите в Нюхчу замуж:
 Там лапушники едят.
 За последнего за Заручей:
 Там чаем напоят (МЕА).

Семантическая оппозиция *позитивный центр—негативная периферия* (или *граница*) является универсальной моделью построения географически сорентированных фольклорных текстов независимо от их жанровой принадлежности. Кроме частушек в наиболее явном виде она представлена в песнях,

Д. Кучкас. Главная улица. 2004 г. Фото В.Н. Калуцкова

Д. Кучкас. Амбар на гребне. 2004 г. Фото В.Н. Калуцкова

опевающих жителей окрестных деревень (их называют «географическими»¹¹, «песнями-дразнилками»¹², «песнями о прозвищах»¹³, «корильными песнями о деревнях»¹⁴). В зависимости от места записи текста жители каждого селения могут получить прямо противоположные характеристики (они непосредственным образом увязаны с тем, какое место займет селение в пространственном континууме песенного варианта — центральное или окраин-

ное). Так, в популярной на Среднем Пинежье песне по имеющимся в нашем распоряжении вариантам чухчмяна и едомьяна называются *горланями*, *братанами*, ваймушона — *ремховатыми*, *богатыми*, *братанами*, шотогора — *чиковатыми*, *форсунами*, *драчунами* и т.д.

Уж вы, девушки, сидите,
 люли-люли,
 Вы сидите, не дремите,
 люли-люли,

Д. Кучкас. Обетный крест. 2004 г. Фото В.Н. Калуцкова

Д. Кучкас. Возрожденная Никольская часовня. 2004 г. Фото В.Н. Калуцкова

Молодежь скоро подкатит,
люли-люли,
Все хороша подойдет, люли-люли:
Все цыганы — да ваганы,
люли-люли,
Чухчемяна-то — братаны,
люли-люли,
Едомёна-то — горланы, люли-люли,
Шардомёна — кашники,
люли-люли,
Еркомёна — водохлебы,
люли-люли,
Церкогора — церепаны,
люли-люли,
Айногора — шелгачи¹⁵, люли-люли,

А залесяна — пустынцы,
люли-люли,
Ваймушона ремховаты, люли-люли,
Карпогора-те богаты, люли-люли,
Шотогора чиковаты¹⁶, люли-люли,
Марьегора-те лузаны¹⁷, люли-люли,
Покшона-то — зубаны,
люли-люли,
Кротовца-то — кроты, люли-люли,
Земцовца в стороны, люли-люли,
Немнюжана на горы, люли-люли,
Киглохтяна-то под горой,
люли-люли,
А залывяна — заброда, люли-люли,
Городите огороды, люли-люли:

Ваши кони пролетали, люли-люли,
Наши озими съедали, люли-люли,
Грибовцана-те¹⁸ грибисты,
люли-люли,
Мурьевцана-то волкисты¹⁹,
люли-люли,
Трубкинцана залуписты²⁰,
люли-люли,
Пестенци-то ракисты²¹, люли-люли,
Горошана-то крюкисты²²,
люли-люли,
Зуевчана-то тюлисты²³, люли-люли,
Зуевчана воробьисты²⁴, люли-люли,
Кеврольцы — богомольцы,
люли-люли:
Стали ужинать садиться, люли-люли,
Нету Бога помолиться, люли-люли,
К огороде становились, люли-люли,
Они Ленину молились, люли-люли
(УАВ).

Таким образом, реальные этнические ареалы с четко выраженными центральными и периферийными зонами и границами, становясь фактом фольклорной традиции, получают определенные семантические характеристики, что задает вектор варьирования «географически» сориентированных фольклорных текстов.

Примечания

¹ Подробнее о противостоянии культурного центра и периферии по принципу позитивный—негативный см.: Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М., 1998.

² О «географических» песнях см.: Иванова А.А. Проблемы картографирования фольклорных текстов (на примере пинежских «географических» песен) // Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А. Указ. соч. С. 65—78; Иванова А.А., Мороз А.Б., Слепцова И.С. «Географические песни» в локальном песенном репертуаре // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. С. 122—177; Кулагина А.В., Ковник В.А. Песни о деревнях и их жителях в фольклоре Костромской и Нижегородской областей // Там же. С. 177—197.

³ Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала. Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север. СПб., 1995. С. 213—214.

⁴ Ручей Кучкас, расположенный на незаселенном берегу Пинеги, дал название деревне.

⁵ Лапушники — вид хлеба, выпекавшегося на капустном листе, обычно в бедных семьях. Напротив, чай был признаком достатка: «Чай-то раньше не каждый пил» (КСС).

⁶ Заручей — околос (на Русском Севере околос — относительно автономная часть деревни; выделяется топонимически) д. Нюхча.

Кучкасе хлева располагались рядом с домами, а потому многие дома выглядели неопрятно.

⁸ В Кучкасе была организована первая коммуна.

⁹ *Совик* — верхняя зимняя одежда, перенятая пинежанами у коми. *Ставят сено в совиках* означает, что нерадивые кучкаские коммунары заготавливали сено не летом, а ближе к зиме.

¹⁰ Подобные ситуации, зафиксированные в Белозерском крае, подробно описаны в книге С.Б. Адоньевой «Прагматика фольклора» (СПб., 2004).

¹¹ *Иванова А.А., Мороз А.Б., Слепцова И.С.* Указ. соч.

¹² *Бахтин В.С.* Один из неучтенных песенных жанров // Русский фольклор. Т. XVI. Л., 1976. С. 227—235.

¹³ *Карташева И.Ю., Кругляшова В.П.* Из истории русского фольклора (песни о прозвищах) // Фольклор Урала. Фольклор и историческая действительность. Вып. 5. Свердловск. 1980. С. 105—112.

¹⁴ *Дранникова Н.В.* Корильные песни о деревьях // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология. Архангельск, 2002. С. 68—76.

¹⁵ *Шелгач* — котомка.

¹⁶ *Чиковатый* — форсистый.

¹⁷ *Лузан* — короткая безрукавка, сшитая из кожи, одеваемая поверх одежды для защиты от дождя и холода.

¹⁸ Грибово, Мурино, Трубино, Пестенниково, Горка, Зуево-Тюлёво, Зуево — околки современной Кевролы.

¹⁹ *Волки* — семейно-родовое прозвище проживающих в околке Мурино.

²⁰ Семейно-родовое прозвище проживающих в околке Трубино — *залуны*: «Все попереж с человеком говорили, все в залу-пу, в занозу» (д. Кеврола, Черемная Раисья Артемьевна, 1911 г.р., уроженка д. Лавела Пинежского р-на).

²¹ *Раки* — семейно-родовое прозвище проживающих в околке Пестенниково.

²² *Крюки* — семейно-родовое прозвище Подзоровых, проживающих в околке Горка.

²³ В Кевроле два околка Зуево; в этом большинство жителей носит фамилию Тюлевы.

²⁴ *Воробы* — семейно-родовое прозвище Черемных, проживающих в околке Зуево.

Информанты

ДАК — Денисова Анастасия Клементьевна, 1907 г.р., д. Заозерье.

МАЕ — Морозова Ефимья Александровна, 1931 г.р., д. Кучкас.

КВС — Когин Василий Степанович, 1938 г.р., д. Нюхча.

КСС — Когин Степан Степанович, 1921 г.р., д. Нюхча.

ТАР — Таборская Анастасия Радомировна, 1952 г.р., д. Заозерье.

ТММ — Торицына Маланья Михайловна, 1919 г.р., д. Юбра.

РТС — Рябова Татьяна Степановна, 1959 г.р., д. Кучкас.

УАВ — Усынина Анастасия Васильевна, 1938 г.р., д. Немнюга.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 04-01-00243а)

С.В. ФЕДОРОВА

ДУХОВНЫЕ СТИХИ КАРЕЛИИ: ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Территорию Республики Карелия не обошли вниманием собиратели фольклора ни в XIX, ни в XX веке. Как известно, наиболее ценным материалом, за которым снаряжались десятки экспедиций в данный регион, считались эпические фольклорные жанры. Но если тексты былин и баллад Олонецкого края много издавались и плодотворно изучались, то традиция севернорусской народной духовной поэзии оставалась в тени этих жанров и до революции, и тем более в советскую эпоху. За последние полтора десятилетия мало что изменилось: большинство стихов, записанных в 1920 — 1990-е гг., не опубликовано и практически не включено в научный оборот¹; наиболее значимым исследованием, посвященным бытованию севернорусской религиозной поэзии в XX в., по-прежнему остается обстоятельная статья Ю.А. Новикова тридцатилетней давности². Между тем традиция духовных стихов, существовавшая в Олонецкой губ., по территориальному охвату, широте сюжетного состава³ и обилию зафиксированных вариантов сопоставима с былинной традицией, прославившей этот регион.

По нашим (неокончательным) подсчетам, с 1860 по 1998 г. на территории Олонецкой губ. и Поморья было записано более 850 текстов общерусских и старообрядческих духовных стихов. Это записи П.Н. Рыбникова и И. Миролюбова⁴, Е.В. Барсова⁵ и других собирателей XIX в., а также корреспондентов «Живой старины», «Олонецких губернских ведомостей» и РГО (всего более 80 текстов); тексты, зафиксированные в Поморье и Каргополье А.В. Марковым (около 100 текстов)⁶. В 1911—1932 гг. более 30 записей в Беломорском р-не было сделано собирателем-любителем И.М. Дуровым⁷. В 1920 — 1930-е гг. в Заонежье проводились экспедиции ГИИИ и ГАХН, в ходе которых было записано более 100 текстов стихов⁸. Более 200 стихов записали студенты МГУ в ходе Северных экспеди-

ций 1956, 1957, 1960, 1966 и 1968 гг.⁹ Более 20 текстов хранится в Кабинете фольклора Московской консерватории. Наконец, в Петрозаводске духовные стихи, записанные местными фольклористами и музыковедами, находятся в Архиве КарНЦ РАН (более 200 текстов), в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН и в Петрозаводской консерватории (около 100 записей)¹⁰.

Из всего известного нам корпуса записей севернорусских духовных стихов опубликовано менее четверти текстов, причем это в основном тексты XIX — начала XX в. Большую часть записей составляют «старшие» (эпические) стихи; на долю старообрядческих сюжетов приходится около 150 вариантов, причем в устном бытовании зафиксированы далеко не все сюжеты «младших» (лиро-эпических) стихов, известных по рукописным сборникам.

На карте представлены данные о распределении вариантов стихов на территории современной Карелии¹¹. Всего отмечено более ста мест записи, которые сконцентрированы главным образом в Пудожском, Медвежьегорском, Кондопожском и Беломорском р-нах. Сведения по соседним регионам представлены очень неполно, так как мы в данный момент не обладаем всей информацией о записях духовных стихов на севере Ленинградской и Вологодской областей и на западе Архангельской обл. (то есть в бывших Лодейнопольском, Вытегорском и Каргопольском уездах Олонецкой губ.). На карту нанесены названия только тех населенных пунктов, в которых запись стихов производилась многократно и где было выявлено наиболее устойчивое бытование народной духовной поэзии (исключение составляет г. Петрозаводск: к его точке на карте отнесены тексты из Петрозаводского уезда Олонецкой губ., в которых не указано точное место записи).

Первый, очевидный вывод, который позволяет сделать картографирование стихов — это то, что территория их распространения практически совпадает с районами расселения русских, потомков новгородских переселенцев. В

СОФЬЯ ВИКТОРОВНА ФЕДОРОВА, аспирантка Петрозаводского гос. университета